
НА ГРАНИ ВЕКОВ

Г. Н. ВАЛИАХМЕТОВА

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ ДЖИХАДА

Современный исламский мир не является единым не только в плане различий в уровне социально-экономического развития, политической ориентации и т. п., но и в том отношении, что в настоящее время его судьбы и характер отношений с внешним миром определяет внутренняя борьба трех проектов – либерального (модернистского), фундаменталистского («возрожденческого») и традиционалистского (ортодоксального).

Либеральный (модернистский, вестернизированный) проект предполагает перенос на почву исламских стран так называемых общечеловеческих (реально-западных по своему происхождению и сути) форм социальной жизни – от парламентов до ограничения рождаемости при одновременном изменении самого ислама, с тем чтобы он был идеологией, мобилизующей граждан или подданных на реализацию этих форм. Этот проект характерен в первую очередь для правящих режимов в таких странах распространения ислама, как Турция, Иран при президенте М. Хатами, Саудовская Аравия.

Фундаменталистский («возрожденческий») проект сформировался во многом в качестве альтернативы как Западу, так и либеральному исламу. Для него характерны оппозиционность правящим режимам, опора на жесткое толкование предписаний ислама, экспансия политическая (стремление к установлению истинно исламской власти в мусульманских странах) и территориальная (продвижение на новые территории). Фундаментализм – это не некое отступление от ислама, как это пытаются утверждать его противники, а один из его вариантов, черпающий право на существование в тех источниках, которые одни только и могут быть авторитетами

для мусульманина – Коран, Сунна пророка Мухаммада, опыт Праведных Халифов.

Оба эти проекта реализуются в ходе взаимной борьбы на фоне традиционалистского (ортодоксального) ислама, который принимает сложившийся на нынешний день статус-кво и не предполагает никаких резких трансформаций в сфере внутренней или внешней политики.

Для внешнеполитической концепции фундаментализма характерно деление мира на три части: *дар-аль-ислам* («земля ислама»), *дар-аль-харб* («земля войны») и *дар-аль-сульх* («земля мирного договора»). К «земле ислама» относятся страны с подавляющим большинством мусульманского населения, которое находится под властью мусульманских правителей, и жизнь *уммы* полностью регулируется шариатом. Немусульманское население (*зиммии*) может проживать на этих территориях, но оно находится в подчиненном положении и должно платить особый налог (*джизью*). «Земля войны» – это страны с немусульманским и мусульманским населением, находящиеся под властью «неверных». Священная обязанность мусульман, по мнению фундаменталистов, – превратить «земли войны» в «земли ислама» путем ведения вооруженной борьбы (джихада). На этих территориях запрещено убивать женщин и детей, если они не сражаются против мусульман (как показывает практика, последний принцип не соблюдается). «Земля мирного договора» – это страны, где правят «неверные», но мусульманское население обладает гражданскими, в том числе религиозными, правами и свободами и не подвергается конфессиональной дискриминации.

Лозунг джихада как борьба за торжество ислама во всемирном масштабе декларируется лишь крайними фундаменталистами, к числу которых можно отнести аятоллу Хомейни, Г. Хекматиара, С. Кутба, Абу Нидаля, режим талибов в Афганистане, ряд «ваххабитских» организаций Северного Кавказа и т. п.

Сейид Кутб, принадлежавший к числу лидеров организации «Братья-мусульмане», являлся одним из крупнейших теоретиков исламского фундаментализма вообще и исламского экстремизма в частности. Идеи и концепции, выдвинутые им, оказали и продолжают оказывать самое серьезное влияние на идеологов «исламско-

го возрождения», на теорию и практику различных исламских организаций. В своих трудах С. Кутб отводит существенное место вопросу о джихаде (вооруженной борьбе) и прослеживает эволюцию этого понятия со времен пророка Мухаммада. Суры Корана, касающиеся вопросов джихада и зачастую противоречащие друг другу, он выстраивает в хронологическую цепочку в соответствии с порядком их «ниспослания». В итоге у него получается схема, согласно которой в развитии этого понятия было четыре стадии. В мекканский период жизни Мухаммада Аллах удерживал мусульман от вооруженных действий; после Хиджры они стали для них дозволенными; на третьей стадии сражаться против тех, кто отвергает ислам, было уже обязанностью верующих; наконец, на четвертой джихад против неверных, независимо от того, выступают они против ислама или нет, стал долгом мусульман. Исходя из своей схемы, С. Кутб делает вывод, что первые три стадии были подготовительными, на четвертой же концепция священной войны получила законченную форму, которой и надлежит руководствоваться «истинным» мусульманам в наше время (Кутб 1990б: 114–115).

С. Кутб выделяет три характерные черты джихада: во-первых, он не ограничен рамками какой-либо эпохи или исторического периода («Джихад есть не временная стадия, а вечное состояние...»), «Джихад продолжается до дня Страшного суда...»); во-вторых, он не знает национальных границ, географических барьеров, расовых ограничений («Ислам не есть наследие какой-либо одной расы или страны. Это религия Аллаха, и она предназначена для всего мира»); в-третьих, джихад – война не оборонительная, а наступательная. Ислам обязан атаковать Джахилию независимо от того, угрожает она ему или нет (Он же 1990а: 133–136).

Таким образом, из всех возможных трактовок джихада С. Кутб выбирает самую радикальную и последовательно развивает ее. Вооруженная борьба должна начаться вскоре после образования сообщества «истинных» мусульман и продолжаться до полной и окончательной победы ислама во всем мире: она не знает каких-либо границ и отрицает в принципе возможность мирного сосуществования с неисламским обществом.

С. Кутб не исключает и метод убеждения как составляющую джихада. Первым шагом в борьбе за обращение людей в ислам должны стать пропаганда формулы «Нет бога, кроме Аллаха...» и внедрение ее в сознание. Это основной момент, из которого все вытекает и с которого все должно начинаться. В доказательство он ссылается на то, что суры мекканского периода (то есть хронологически первые суры Корана) акцентируют именно веру, ее ключевые моменты. Принятие законов, детализация отдельных положений происходят позже, в мединский период, когда вокруг Мухаммада уже образовался прочный костяк. После того, как люди усвоят формулу «Нет бога, кроме Аллаха...», повиновение исламским законам и следование исламскому образу жизни придет автоматически, без особых усилий, ибо верующему легко выполнять религиозные предписания. «Совершенно необходимо, чтобы сердца людей были открыты исключительно одному Аллаху, чтобы они принимали его законы с полным смирением и отвергали все иные законы с самого начала, даже до того, как им станут известны детали (исламской системы)» (Кутб 1990а: 63).

Аналогичных взглядов придерживался «террорист № 1» 1970-х гг. Абу Нидаля, который открыто призывал «совершенствоваться в искусстве убивать неверных» и утверждал, что среди них не может быть тех, «кто испытывал бы добрые чувства к мусульманам». Как и С. Кутб, А. Нидаля полностью исключал возможность диалога цивилизаций и настаивал именно на силовых методах разрешения международных проблем. Он считал, что каждый мусульманин, способный держать в руках оружие, должен участвовать в войне. «Если же человек не может вести джихад физически и уничтожать неверных на поле боя, он должен вести борьбу своими средствами, пером и языком». Ссылаясь на Коран и Хадисы, А. Нидаля предлагал целую систему мер, которые могут помочь мусульманину в его борьбе с «неверными». Итак, в отношениях с «неверными» мусульманину не следует уподобляться им в одежде и языке, посещать страны «неверных» и проживать в них (если только он не ведет тайную борьбу), оказывать им помощь или доверие (например, назначать на важные посты), использовать их календарь, чтить их обычаи, восхвалять достижения их культуры и цивилизации (Лики... 2000: 39–41, 158–160).

Абу Нидааль представлялся бескомпромиссным борцом за исламскую идею. На самом же деле террор стал для него бизнесом, на котором были заработаны сотни миллионов долларов (Млечин 2002: 264–283). Аналогичный вывод напрашивается и в ходе анализа деятельности главного террориста современности Усамы бен Ладена.

Таким образом, можно утверждать, что нередко за провозглашаемыми лозунгами вооруженного джихада стоят определенные политические силы или экономические организации. В этой связи наиболее показателен, на наш взгляд, феномен ваххабизма. О ваххабитском течении ислама в последние годы говорят очень много, причем не столько в связи с собственно ваххабизмом Саудовской Аравии, сколько об организациях с тем же названием (самоназванием или эпитетом) в других частях мусульманского мира, прежде всего на постсоветском пространстве. Термин «ваххабизм» может пониматься в двух значениях: 1) собственно ваххабизм – учение Мухаммада бен Абд аль-Ваххаба и его аравийских последователей (аравийский ваххабизм); 2) собирательный термин, обозначающий все течения Нового и Новейшего времени, которые укладываются в определение возрожденческого направления в исламе, включая и те, которые в большей или меньшей степени связаны с аравийским ваххабизмом (неоваххабизм).

Основными положениями ваххабизма XVIII в. являлись: очищение ислама от нововведений и возврат к первоначальному исламу времен пророка Мухаммада; отказ от культа святых, поскольку только Аллах достоин поклонения; строгое соблюдение морально-этических норм ислама, осуждающих стяжательство, роскошь, блуд, пьянство и т. д.; проповедь мусульманского единства, братства, социальной гармонии; пропаганда джихада против язычников, к которым относились и мусульмане, отошедшие от принципов «чистого», первоначального ислама. Ваххабитам XVIII в. был присущ фанатизм и экстремизм в борьбе со своими противниками во имя установления власти, которая должна руководствоваться исламскими законами, ибо иное правительство не имеет права на существование, поскольку политика и ислам не могут существовать раздельно. Джихад в идеологии ваххабитов занимает особое системообразующее положение. Во-первых, он трактуется прежде всего

как вооруженная борьба; во-вторых, ведение джихада вменяется в обязанность каждому мусульманину (естественно, физически и умственно способному к этому); в-третьих, объект джихада – *кафиры* («неверные») (Милославский 2001: 78).

Исторически ваххабизм явился идейным столпом Саудовского государства: до начала XX в. он играл роль объединяющей идеологии в процессе сплочения аравийских племен. Однако в 1929 г. началось принципиальное размежевание монархии с экстремистским духовенством. И хотя ваххабизм является господствующей в Саудовской Аравии идеологией, главные положения раннего ваххабизма отвергнуты нынешними саудовскими властями, которые официально осуждают экстремизм и взаимную нетерпимость между мусульманами и представителями других религий. Сейчас религиозная среда Саудовского королевства чрезвычайно дифференцирована, а его граждане называют себя не ваххабитами, а *салафийун* – последователями веры праведных предков.

«Неоваххабизм» в мусульманских регионах СНГ представлен весьма разнородными организациями и общинами, связанными с аравийским ваххабизмом лишь общим пониманием «оздоровления» мусульманского общества путем обращения к установке раннего ислама. Применение к ним терминов «ваххабиты» или «неоваххабиты» является крайне условным и указывает лишь на их общую принадлежность (вместе с аравийскими ваххабитами) к возрожденческому (фундаменталистскому) течению в исламе, но не на идейную близость к ваххабизму Мухаммада бен Абд аль-Ваххаба. Соответственно и провозглашаемые ими лозунги джихада («священной войны») являются скорее одним из средств реализации неких экономических и геополитических интересов, зачастую не связанных с истинными религиозными устремлениями.

Среди комплекса причин возникновения альтернативных исламских организаций и движений, в том числе и ваххабитского типа, следует особо отметить международные исследовательские центры и фонды, промышленные корпорации и финансовые группы, спецслужбы США и государств НАТО, цель которых – создание благоприятных экономических и геостратегических условий для соответствующих немусульманских стран в мусульманских регионах. Так, например, ряд исследователей связывает активизацию

ваххабитов с деятельностью международных нефтяных корпораций и финансовых групп вокруг каспийской нефти. По их мнению, объединение Чечни и Дагестана в независимую от России конфедерацию позволит последней получить в собственное владение значительную часть Каспия и претендовать на роль одного из крупнейших нефтяных государств региона. А пока, имея такой рычаг, как нестабильная и воинственная Чечня, можно затевать многоходовые биржевые комбинации, основанные на использовании управляемого «фактора нестабильности». Мусульманские лидеры, конечно, понимают эту игру и ее цели, но некоторые делают вид, что верят в искренность западных политиков, по крайней мере, пока интересы совпадают (Мамаев, Иванов 1999: 37–41).

Иностранные государства используют все возможные средства для укрепления позиций на постсоветском пространстве. И вполне естественно, что они разыгрывают ваххабитскую карту там, где это наиболее перспективно. Сейчас это наиболее целесообразно на Северном Кавказе. Между тем российские СМИ поднимают вопрос о «ваххабитской угрозе» региону и СНГ. Но если такая угроза и существует, то исходит она не от собственно ваххабитов или тех людей, которых именуют таковыми. Ими управляют политики и международные (в том числе российские) коммерческие структуры, борющиеся за выгодные рынки. А в условиях массового обнищания, нестабильности и почти безвластия или недоверия к властям появляется все больше людей, готовых искренне принять идеалы современного ваххабизма или условия предложенной игры, в том числе и за соответствующее вознаграждение (Лукоянов 2001: 99–113).

Некоторые современные концепции джихада представляют собой, в сущности, лишь теологическое оформление националистически концепций (защита арабской родины и т. п.). «Самопожертвование солдата, продиктованное чувством патриотизма, может рассматриваться подчас как лучшее свидетельство искренности веры, чем самоотверженность муджахида, который отдает свою жизнь за вознаграждение в будущей жизни», – считает лидер Ливийской Джамахирии М. Каддафи (1989).

Построение сильного, экономически и политически независимого государства – именно эта цель лежит в основе ряда фундамен-

талистских концепций. «Лучше трудная, но достойная жизнь, чем рабство в позолоченной клетке», – утверждал аятолла Хомейни (Лики... 2000: 31). По словам президента Туниса Хабиба Бургибы, который одновременно является верховным муфтием страны, «на данном этапе развития джихад – это достижение такого экономического и военного потенциала, который мог бы противостоять любой иностранной экспансии» (Там же: 20). Под джихадом может пониматься также кампания за ликвидацию неграмотности или осуществление программы экономического развития (Там же: 31). Лидер Палестинской национальной автономии Ясир Арафат заявлял, что любовь к своей родине есть признак Веры. Только тот, кто стремится к созданию Палестинского государства, является настоящим мусульманином (Там же: 150). Доктрина джихада может братья на вооружение и патриотическими силами. Об этом свидетельствует, например, участие шиитского движения «Амаль» и ряда других шиитских организаций в Ливане в борьбе против израильской оккупации и иностранной интервенции под эгидой «межнациональных сил».

Учитывая стремление народов стран традиционного распространения ислама к миру, сторонники ортодоксального (традиционалистского) ислама и умеренного фундаментализма настоятельно подчеркивают, что разработка военных вопросов в исламе преследует исключительно оборонительные меры. Международные исламские организации в своих резолюциях значительное место уделяют вопросам мирного разрешения межгосударственных конфликтов, обеспечения международного мира и безопасности (Дзасохов 1987: гл. 4). «Джихад, – подчеркивает верховный кади Иордании Абдаллах Гауша, – это война с благородными побуждениями и намерениями. Она может вестись лишь на пути Аллаха, с целью защиты религиозных святынь и родины. Что касается обычной войны, то она чаще всего ведется ради притеснения и агрессии... ради удовлетворения алчных и низменных appetitov» (Лики... 2000: 64).

Подход к джихаду как к оборонительной войне против империализма и иностранной (в частности, израильской) агрессии лежит в основе так называемой «исламской военной доктрины». По мнению исламских ортодоксальных богословов, основы «исламской военной доктрины» были созданы пророком Мухаммадом во ис-

полнение воли Аллаха. «Аллах хотел, чтобы исламская умма стала сильной и мощной, – пишет шейх Мухамма Махфуз. – Он предписал ей джихад, приказал осуществлять подготовку сил для устрашения врагов и определил основные принципы организации военного дела для защиты религии и отпора агрессии» (Там же: 35). Разработка «военной доктрины ислама» носит в основном теоретический характер. В то же время стремление определенных мусульманских кругов, прежде всего нефтедобывающих стран, претворить ее в жизнь очевидно. Разработка доктрины отражает также и общее стремление мусульманских государств укрепить свои позиции на мировой арене, с одной стороны, и использовать ислам для урегулирования все чаще возникающих конфликтов между мусульманскими странами – с другой. Противоречивый характер самой доктрины отражает диалектическое взаимодействие двух тенденций политики стран мусульманского мира: с одной стороны – консолидироваться и обособиться, с тем чтобы проводить политику балансирования между «великими державами», а с другой – вписаться в мировое сообщество на условиях, наиболее выгодных для правящей элиты мусульманских стран.

Либеральный (модернистский) ислам исключает военные аспекты из понятия джихада, выдвигая в качестве его главной цели укрепление национальной независимости путем осуществления программ социально-экономического развития. Поэтому и джихад («приложение усилий на пути Аллаха») сводится к реализации вполне конкретных социально-экономических и политических задач: борьбе за урожай, за повышение производительности и качества труда, борьбе с эрозией почв, ликвидации неграмотности, повышению образовательного и культурного уровня священнослужителей и т. д. Пропаганда ислама предполагает только мирные методы – словом, делом, мудростью, всеми современными средствами воздействия и массовой информации. В принципе, фундаменталистский и традиционалистский ислам также не отрицают важности социально-экономических аспектов джихада. «До тех пор, пока вы обращаетесь к другим за помощью в развитии передовой индустрии, вы до конца жизни будете жить, прося подаяния, а ваши предприимчивость, инициатива и творческие способности не получат своего развития, – писал аятолла Хомейни. – Занимайтесь созидательной

деятельностью на полях, в деревнях и на заводах, ибо в этом заключается главное служение Аллаху» (Лики... 2000: 163–164).

Однако отличие в подходах к экономическим аспектам джихада между фундаменталистским, традиционалистским и модернистским исламом заключается в том, что идеологи возрожденческого и ортодоксального ислама отводят экономике второстепенную роль по сравнению с военным фактором, а также исключают возможность сотрудничества со странами *дар-аль-харб* («земли войны»). «Правительство и армия должны стремиться посылать надежных студентов в те страны, которые имеют крупную передовую промышленность, но не являются ни эксплуататорами, ни колонизаторами, – наставлял аятолла Хомейни. – Избегайте посылать студентов в США и СССР, а также в другие страны, идущие в фарватере их политики» (Там же: 169).

Ярким примером страны, взявшей на вооружение принципы либерального (модернистского) ислама, является Иран, где с приходом к власти М. Хатами (1997 г.) успешно реализуются на практике две предложенные им идеологические концепции – «исламского гражданского общества» и «диалога цивилизаций».

В среде мусульманских богословов, идеологов и политических деятелей так называемого секуляристского толка идея джихада понимается исключительно как нравственное и духовное совершенствование человека – Джихад Великий. Секуляристы утверждают, что ислам – это религиозно-мировоззренческая система, которая, как и любое другое духовное учение, не должна развиваться с оглядкой на политику и экономику – факторы, подчиняющиеся действию определенных объективных законов и субъективных, в частности материальных, интересов. «Исламский мир не считает себя мировой державой, которая стремится использовать свою силу для географической экспансии или для навязывания своей системы другим народам. Именно это мы пытаемся подчеркнуть и надеемся, что нам удастся доказать, что Джихад не означает священную войну. Джихад – это призыв к борьбе с самим собой, чтобы лучше владеть собой, контролировать себя во имя блага, а не во имя зла», – таково мнение принца Саудовской Аравии Сауд аль-Фейсала (Лики... 2000: 132).

Воспитание нравственности, соответственно, исключает методы насилия. «Господство над умами и сердцами нуждается в других, чем меч, средствах», – считает декан факультета шариата университета аль-Азхар шейх Абдель Басита (Там же: 97). Теологам секуляристского толка принадлежит большая роль в деле развенчания бытующего на Западе мифа об изначальной агрессивности ислама. «Ислам для нас больше, чем объективный социологический параметр, больше, чем абстрактная культурная ценность, – пишет бывший Генеральный секретарь Организации Исламская конференция М. Шатти. – Это способ существования, способ быть, бороться и надеяться» (Там же: 36).

Таким образом, мы можем констатировать наличие широкого спектра трактовок джихада в современных теологических и политических исканиях ислама. При этом содержание данного термина зависит прежде всего от политических воззрений богословов и политиков, от целей и задач, стоящих перед различными мусульманскими государствами на различных этапах их истории. В целом в трактовании джихада радикальный фундаментализм ведет речь о распространении ислама прежде всего силовыми методами: превращение *дар-аль-харб* («земли войны») в *дар-аль-ислам* («земли мира»), в то время как умеренное возрожденчество и ортодоксальный (традиционалистский) ислам интерпретирует джихад как оборонительную систему. Ортодоксальный ислам не отрицает также и значимости экономических аспектов джихада, чем становится близок к модернистскому направлению, возводящему экономическое процветание родины в ранг первостепенных задач *уммы* в целом и каждого мусульманина в частности. Пожалуй, единственное, что объединяет все идеологические течения, это их общая цель – построение сильного независимого государства. Расхождения же касаются методов ее реализации (вооруженная наступательная война, оборонительная война и пропаганда, социально-экономические и культурные преобразования и т. п.). Коран, ссылки на который являются главным аргументом в современных теологических и политических дискуссиях вокруг термина «джихад», дает основу для весьма противоречивых толкований. На этом фоне все больше в тень уходит идея Великого Джихада.

Литература

Дзасохов, А. С. 1987. *Эволюция и становление постколониального мира*. М.: Международные отношения.

Каддафи, М. 1989. *Зеленая книга*. М.: Международные отношения.

Кутб, С.

1990а. *Вехи на пути*. М.

1990б. *В сени Корана*. М.

Лики Востока: мудрость вождей / сост. К. Розовский. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-пресс, 2000.

Лукоянов, А. К. 2001. Игры в «ваххабизм». В: Белокреницкий, В. Я., Егорин, А. З. (отв. ред.), *Ислам и политика: сб. статей*. М.: ИВ РАН; Крафт +.

Мамаев, Ш., Иванов, П. 1999. В игру вокруг каспийской нефти вступила команда международных финансовых спекулянтов. *Коммерсантъ-власть* 9.

Милославский, Г. В. 2001. Ваххабизм в идеологии и политике мусульманских стран. В: Белокреницкий, В. Я., Егорин, А. З. (отв. ред.), *Ислам и политика: сб. статей*. М.: ИВ РАН; Крафт +.

Млечин, Л. 2002. *Кто взорвал Америку? Империя террора*. М.: Центр-полиграф.